

И.В. Арзамасцев

МЕМУАРЫ ЛЮДВИКА ЕЛЬСКОГО И ЕГО ВЗГЛЯД НА БОИ НА СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГЕ В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ

Мемуары Людвига Ельского с заглавием «Походы и события» были опубликованы в издании «Польские памятники» в Париже в 1845 г.¹

В историографии, посвящённой Бородинскому сражению, мемуары Л. Ельского цитировались неоднократно. Однако полностью мемуары на русский язык не переводились, и при этом никогда не затрагивался вопрос о личности самого Л. Ельского. В то же время эти воспоминания изобилуют многочисленными подробностями, которые делают их по праву одним из наиболее интересных источников эпохи Отечественной войны 1812 года и, прежде всего, Бородинского сражения.

Людвик Ельский – участник похода Наполеона в Россию в 1812 г. в составе 5-го корпуса Юзефа Понятовского. В Бородинском сражении он, капитан 16-го пехотного полка, был прикомандирован к штабу 16-й пехотной дивизии. Кампанию закончил в чине полковника и был награждён Орденом почётного легиона. После поражения армии Наполеона в 1815 г. вернулся в Россию.

Происходил из знатного рода польско-белорусской шляхты, который восходит к XVI в. герба Пелеш. Род Ельских был внесён в некоторые родословные книги Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерний, а также Царства Польского. Отец Людвига Ельского Франциск Ельский был маршалом литовского трибунала. Принимал участие в восстании Костюшко, позже был прощён Павлом I.

В молодости Л. Ельский учился экономике в Париже, что позволило ему после возвращения в Россию возглавить Польский банк в Варшаве².

Варшавский банк, директором которого был Л. Ельский, аккумулировал средства, необходимые для будущего польского восстания, вспыхнувшего в 1830 г. В революционном правительстве Л. Ельский занимал пост министра финансов. После разгрома восстания бежал во Францию, где вскоре умер.

Польское восстание 1830–1831 гг. рассматривалось в России как попытка снова поднять враждебные России «бонапартистские силы» в Европе, которые могли вызвать новую войну. Об этом писал такой выдающийся знаток эпохи царствования Николая I, как А.Г. Тартаковский. В монографии «1812 год и русская мемуаристика», касаясь 25-летнего юбилея окончания Отечественной войны и вхождения русских войск в Париж, он писал: «Ключевым моментом явилось здесь польское восстание 1830–1831 гг., осложненное внешне-политическими последствиями западноевропейских революций. Фактическое отделение в ходе восстания Польши от Российской империи, претензии на отторжение от нее украинских и белорусских, литовских земель и детронизация династии Романовых глубоко уязвили национальные чувства широких кругов русского общества и дворянства прежде всего, а призывы со стороны Франции к вооружённому вмешательству в русско-польский конфликт, который, казалось, мог перерасти во всеобщий поход западных держав против России, ещё более эти чувства обострил. Угроза новой войны, поднимавшейся на волне революций, наподобие той, что пришлось пережить в начале века, с необычайной силой всколыхнула воспоминания о французском нашествии...»³. Герой Отечественной войны знаменитый Денис Давыдов «даже считал, что война с Польшей в 1831 г. „едва ли не была грознее войны 1812“»⁴. После поражения восстания Л. Ельский эмигрировал в Париж, где незадолго до смерти опубликовал свои воспоминания.

В мемуарах Л. Ельский очень подробно рассказывает о боевом пути 5-го корпуса Юзефа Понятовского от границ Российской империи до Москвы. Следует подчеркнуть, что описание Ельским продвижения 5-го корпуса Понятовского столь детально, что его маршрут без труда можно проследить по карте от Смоленска до Бородина.

Требуют уточнения названия населенных пунктов. Так, в мемуарах д. Утицы, расположенная на Старой Смоленской дороге именуется *Wogowna*. Вообще, соотношение польских и русских топонимов заслуживает отдельного исследования. Заметим, что очень любо-

пытный результат дает сопоставление литературного и картографического материалов.

Много интересных подробностей вносит Л. Ельский в описание Шевардинского боя, о котором до сих пор ведутся споры в современной историографии. В частности, указывает точные потери среди польских легионеров в ходе боевых действий под Шевардино. В то же время нельзя не учитывать, что Ельский писал спустя много лет после Бородина, находясь в эмиграции в Париже, и вряд ли мог располагать тогда точными сведениями. Однако он всячески стремился подчеркнуть героический порыв польских полков в одном из самых кровопролитных столкновений русских войск с французской армии, которое предшествовало Бородинскому сражению.

Особый интерес представляют воспоминания Л. Ельского о боях в районе д. Утицы на Старой Смоленской дороге.

Для полноты картины событий, происходивших на этом участке Бородинского поля, мы посчитали целесообразным проанализировать ещё одни мемуары, а именно воспоминания Клементия Колачковского, который в Бородинском сражении, будучи капитаном инженерного корпуса, исполнял должность помощника начальника штаба 5-го корпуса⁵.

Рассказ Колачковского, как человека более информированного в силу занимаемой должности, не просто уточняет описание Ельского, не менее важно и то, что судьбы этих людей совсем не похожи. Клементий Колачковский умер на родине, будучи подданным Российской империи и русским генералом.

Описание сражения начинается у Л. Ельского с артиллерийского залпа, произведённого французским орудием в сторону неприятеля.

«7-го [сентября] в 4 часа утра выстрелом из пушки был дан сигнал корпусам о начале сражения. Князь Понятовский, направив корпус под деревню Утицы, установил батарею на кургане, доминирующем на местности, и оттуда открыл артиллерийский огонь. Спустя некоторое время, польская артиллерия заставила замолчать русскую, а батальон третьего полка под командой Курциуша продвинулся до деревни, отражая атаки егерей в деревне и на поле, другие два батальона того же полка под предводительством полковника Блумера, миновав деревню, оттеснили русских из леса справа и слева, после чего корпус, выстроенный в две линии, встал в позиции у деревни, примыкая к вестфальскому корпусу и корпусу маршала Даву, распо-

лагая свою конницу по правой стороне там, где показывалась колонна неприятельской конницы»⁶.

В отличие от рассказа Ельского, описание Колачковского выдержано в менее мажорном тоне и больше напоминает военные донесения: «После прочтения приказа 5-й корпус двинулся на предназначенную ему позицию на правом крыле боевой линии и занял старый Смоленский тракт»⁷.

Несколько лет назад по пути следования 5-го корпуса к Утицам, расположенной на Старой Смоленской дороге, был обнаружен польский медальон с изображением Богородицы Ченстоховской и епископа Александра Кордецкого настоятеля Ченстоховского монастыря во время шведской осады второй половины XVII в., почитание которого было широко распространено в Польше.

Важно отметить, что в мемуарах и Ельского, и Колачковского упоминается курган, господствующий на местности, откуда польские батареи обстреливали д. Утицы. У Колачковского об этом говорится следующее: «По мере того, как рассыпанные в кустах неприятельские стрелки стали отступать, наши колонны со стрелками во главе двигались вперед и занимали деревню Утицы. Батарея из 12 тяжёлых орудий, поставленная под непосредственным наблюдением артиллерийского полковника Горского, налево от Утицы, поддерживала огнём это движение»⁸.

Из текста понятно, что речь идет не об Утицком кургане, который находится достаточно далеко за деревней в расположении русских позиций.

Во время обследования нам удалось определить это место. Мы предполагаем, что это гора Коноплева, сохранившаяся до нашего времени лишь частично.

Особый интерес представляет следующий пассаж Л. Ельского: «5-й корпус, выполнив данный ему приказ, занял д. Утицы, наполнив сожжённую. Корпус был освобождён от дальнейших действий и ожидал дальнейших приказов, находясь в бездействии»⁹.

Главной особенностью этой части воспоминаний является тот факт, что автор не оценивает ту основную роль, которая отводилась Бонапартом 5-му корпусу Понятовского в сражении при Старой Смоленской дороге, а именно: выйти в тыл 2-й Западной армии Багратиона с целью нанести ей удар. А всё сражение представлено в виде отдельных эпизодов, которые неизбежно заканчиваются победой поляков.

На этот факт обратили внимание авторы монографии о сражении на южном фланге Бородинской битвы, заметившие: «Ельский явно лукавил, или не знал настоящего приказа Наполеона, который на самом деле был недоволен медленным продвижением 5-го корпуса. Он не ожидал, что поляки встретят в этом месте серьезное сопротивление, и рассчитывал на их быстрое выдвигание вперед для взаимодействия с войсками Даву»¹⁰.

Согласно мемуарам Л. Ельского, задача, поставленная перед 5-м корпусом, была не известна не только Ельскому, но и самому Понятовскому: «Однако приказы не приходили, а рвение князя Юзефа, командира 5-го корпуса, которое, как у каждого поляка, не позволяло ему оставаться на достигнутом, требовало проявление большего мужества». И далее следует эпизод атаки поляков на русские позиции: «С той целью он (Ю. Понятовский. – И.А.) приказал начальнику штаба 16-й дивизии полковнику Вайсенхоффу во главе 15-го полка, поддерживаемого остатками 16-й дивизии, начать атаку». В описании этого эпизода сражения особенно примечательно следующее замечание Л. Ельского: «С самого начала атака была успешной, неприятель отступил, переместив свою батарею с кургана (сверху) на другую позицию, в то же время 15-й полк, отеснив (неприятельских) стрелков из кустов, прикрывающих батарею, захватил курган (возвышенность)»¹¹.

К. Колачковский дополняет Ельского: «Подготовленная таким образом атака шла всё упорнее. Вскоре по всей нашей линии между стрелками той и другой стороны загорелась чрезвычайно живая перестрелка, ей вторили тяжёлые неприятельские орудия, поставленные на Мамелоне, и наши под Утицей»¹².

Как можно понять из текста, речь идет об Утицком кургане, который Колачковский называет «Мамелоном», что в переводе с французского означает земляное укрепление. Таким образом, есть основание полагать, что Утицкий курган был укреплен. Поскольку Колачковский был инженером, он знал, о чём говорит.

Перед нами, безусловно, видение Ельским сражения, каким оно ему представлялось спустя много лет из парижского далёка. Об этом свидетельствуют и мемуары Колачковского, рисующего несколько иную картину:

«16-я дивизия под начальством генерала Красинского, поддерживая своих стрелков, разбилась на небольшие отряды, и хотя ввела в

бой две трети всего своего состава, но всё-таки вперед не продвигалась. Неприятельские стрелки перестали отступать и даже перешли в наступление»¹³.

Этот факт должен был, без сомнения, быть известен Ельскому, поскольку он сам находился при штабе 16-й пехотной дивизии, а Красинский был его непосредственным начальником. Но особое внимание обращает на себя разница между описанием Ельского и Колачковского атаки на Утицкий курган, которую возглавил сам Понятовский. Ельский сообщает: «В то же время неприятель с другой позиции, расположенной выше, вынудил 15-й полк к отступлению»¹⁴.

Из описания Л. Ельского видно, что после того как поляки захватили Утицкий курган, русские войска открыли артиллерийский огонь с позиции, расположенной выше кургана. При этом следует отметить, что сам автор, кроме деревни Боровна-Утицы, никак не называет ни одно из «местных урочищ». Таким образом, встает вопрос: что это за «возвышенность», с которой русские ведут огонь? Правда, проблема может быть решена достаточно просто, учитывая, что мемуары создавались спустя многие годы после сражения.

Об этом, в частности, свидетельствует дальнейшее описание боя за Утицкий курган, где речь идет не о двух позициях, а об одной – Утицком кургане, захват которой позволяет полякам установить на ней батарею, которая открывает огонь по собственным солдатам: «Отбросив русских, 15-й полк захватил курган, и снова, установив на нём свои пушки, из которых, стреляя картечью по кустам, разил собственных солдат»¹⁵.

Вспоминая этот печальный для поляков эпизод, Л. Ельский не забывает подчеркнуть доблесть польских легионеров, что, учитывая их промахи со стрельбой по собственным солдатам, выглядит не совсем уместно.

Описание боевых действий в районе д. Утицы у Ельского несколько сумбурно, какую-то ясность вносит тот же Колачковский, он говорит: «Трудно было стянуть в одно место нашу пехоту, раскинутую по кустам и зарослям, чтобы сформировать из нее колонну для атаки, а тем более на виду неприятельских егерей и под их огнём». При этом «8-й Вестфальский корпус, находившийся на нашем левом крыле, понёс большой урон от русской конницы и артиллерии и находился в состоянии, близком к полному уничтожению»¹⁶.

Особый интерес представляет разница в описании боевых столкновений у Ельского и Колачковского в эпизоде штурма Утицкого кургана, который возглавил сам Понятовский. Так, Л. Ельский сообщает:

«Князь-предводитель встал во главе 18-й дивизии, подойдя к вражеской позиции, расположенной в кустах. Дети! – выкрикнул он, обращаясь к 18-й дивизии, и приказал наступать на вражеские пушки. Однако, несмотря на отвагу, с которой польские солдаты бросились вперед, настигаемые со всех сторон выстрелами из пушек всего корпуса Багратиона», отступление было предрешено¹⁷. При этом, как сообщает Л. Ельский, в ходе атаки была сломана позиция «всего 5-ти тысячного корпуса, которую с таким старанием генералу Князевичу с офицерами удавалось удерживать. Когда же она [позиция] оказалась разорванной, дезориентированные солдаты, очутившись в кустах, открыли огонь по своим, принимая их за первую линию вражеской обороны. В этих условиях князь Юзеф Понятовский принял предложение генерала Князевича: прежде всего собрать наступающих вместе, и после этого снова начать атаку. Это и было поручено Князевичу, который тотчас приступил к выполнению приказа»¹⁸. Важно отметить, что Ельский решение о штурме ставит в прямую зависимость от того, что «рвение князя Юзефа, командира 5-го корпуса, которое, как у каждого поляка не позволяло ему оставаться на достигнутом, требовало проявление большего мужества»¹⁹.

Таким образом, Понятовский полностью игнорировал стратегические задачи, от решения которых зависел успех операции.

В отличие от Ельского, Колачковский объясняет участие самого «Князя-предводителя» в атаке тем тяжёлым положением, которое к тому времени сложилось не только для поляков, но и вестфальцев, о чём мы упоминали выше.

Колачковский сообщает: «В эту важную минуту князь Понятовский, желая со своей стороны принять участие в деле, приказал пехоте атаковать Мамелон, главный опорный пункт неприятельского корпуса генерала Тучкова. Бригадный генерал Рыбинский зашел во главе батальона 15-го линейного полка с правого фланга и стремительным натиском овладел Мамелоном, прогнав неприятельскую пехоту, а именно Павловских гренадеров, и, захватив 13 орудий, держался на горе почти четверть часа»²⁰.

Как мы видим, здесь у Ельского с Колачковским явное противоречие, к этому следует прибавить, что Колачковский отдает должное доблести русских солдат, у Ельского же они какие-то бесплотные тени или их нет вовсе. Более того, отступление поляков Ельский вообще объясняет достаточно невнятно, если не сказать парадоксально:

«Отбросив русских, 15-й полк захватил курган и снова, установив на нём свои пушки, из которых, стреляя картечью по кустам, разил собственных солдат»²¹.

И далее Ельский пишет: «Разосланные генералом Князевичем адъютанты, разносили приказы об отступлении»²². Именно Князевичу Понятовский поручает командовать отступлением после того, как сам возглавил атаку после отхода 15-го полка под командованием Вайсенхоффа.

«Выходивших из-под огня солдат двух дивизий собирал вместе сам генерал, используя для прикрытия артиллерию. Солдаты были собраны в наилучшем порядке, который удивил даже неприятеля. Подтверждением чего является то, что отступающих поляков, занимающих прежнюю позицию, находившихся среди пуль, враг не смел атаковать²³, и генерал, осуществляя медленный отход, выстроил солдат в две линии. Несколько раз солдаты „ломали“ линию обороны, но генерал, несмотря на потери, хладнокровно обращал их снова фронтом к неприятелю. Сам генерал, оставаясь при последней линии, рассылал приказы в спешном порядке, чтобы не показать нерешительности и не поколебать солдатской отваги. Действуя таким образом, генерал Князевич отвел солдат на старую позицию у деревни [Утицы], выстроив корпус в одну линию фронтом к неприятелю; сказав солдатам, что после отдыха, хотя и в невыгодных для них условиях, он поведёт их на вражескую батарею. Несмотря на недостаток снарядов, он приказал открыть огонь из орудий»²⁴.

В отличие от Ельского, Колачковский объясняет неудачу поляков просчётами собственного командования, обвиняя генерала Княжевича и самого князя Понятовского.

«Но так как наша вторая линия под командой генерала Княжевича не сделала ни одного шага, чтобы поддержать эту атаку, командир батальона Рыбинский, не будучи больше в состоянии сдерживать при помощи одного только расстроенного батальона натиск русских резервов, состоявших из гренадерских полков: Петербургского, Екатерининского, Аракчеева и лейб-гренадерского, а также мушкетёрских Вильманстрандского и Белозёрского, которых ввел в бой корпусный командир Тучков, сам взял знамя и, выстроив колонну, пробился через неприятельские батальоны, потеряв 300 нижних чинов. В этом бою был смертельно ранен генерал Тучков». И далее Колачковский констатирует: «Само собой разумеется, что движение

это, выполненное только одним батальоном без поддержки резервов, не могло быть удачным. Будь оно выполнено всей 16-й дивизией при поддержке 18-й, оно имело бы совсем иные последствия». При этом Колачковский делает весьма важное замечание о том, что подобная стратегия обусловлена тем, что Понятовский был выучеником австрийской военной школы. В результате «неприятель, вытеснив Рыбинского, снова занял Мамелон и, установив на его вершине шесть тяжёлых орудий, держался на этой позиции до 3-х часов дня»²⁵.

Здесь следует отметить, что у Ельского временная градация полностью отсутствует. Он пишет: «Спустя некоторое время, когда князь Понятовский, почувствовав, что левое крыло Великой армии отбросило неприятеля с его позиций, и что неприятельский корпус, стоящий перед нами, начинает отступление, он, несмотря на незначительность нашего войска, приказал генералу Князевичу начать вторую атаку на вражескую батарею»²⁶.

Но особенно поражает в описании Ельского завершение сражения в районе Старой Смоленской дороги: «Какой-то генерал во главе батальонов, собранных из двух дивизий, под прикрытием батареи начал атаку. Однако неприятель, не ожидая нападения, орудия свои убрал с позиции, начав отступление, и польская артиллерия, поднявшись на курган, открыла огонь по отступающему врагу. Вольтижеры выбили егерей из кустов, а генерал Себастьяни с кавалерией и двумя орудиями пустился за неприятелем в погоню по дороге на Можайск. Такова была последовательность дел 5-го корпуса в битве под Можайском»²⁷.

В отличие от Ельского, у которого атаку возглавляет «какой-то генерал», Колачковский пишет, что последний штурм, как и предыдущий, возглавил сам Юзеф Понятовский: «Наконец около 3-х часов дня князь Понятовский, которого торопил своими приказаниями император, решил возобновить отбитую атаку всеми своими силами. Построив обе дивизии в сомкнутые колонны, он лично повел их на Мамелон и благодаря поддержке кавалерии с фланга стремительным натиском отобрал его вторично и поставил на гребне свою артиллерию. Генерал Багговут, принявший командование после Тучкова, напрасно старался овладеть потерянной позицией. Кроме того, его принуждал к отступлению и начавшийся отход всей главной армии. Совершил он отход в полном порядке, правда, без особого натиска со стороны нашей пехоты, и занял новую позицию на расстоянии двух орудийных выстрелов от прежней»²⁸.

В историографии утвердилось мнение, что корпус Понятовского не смог выполнить полностью ту задачу, которую ставил ему Наполеон, а именно разбить русские полки на Старой Смоленской дороге и выйти в тыл позициям левого фланга 2-й Западной армии.

Однако Л. Ельский пишет так, как если бы поляки выполнили задачу, понимая её не как выход в тыл 2-й Западной армии, а как захват Утицкого кургана.

Этому взгляду противоречит оценка видного польского военного историка М. Кукеля: «Действие 5-го корпуса, планировавшееся как обход левого крыла неприятеля, на деле превратилось в лобовое столкновение. Силы польского корпуса были слишком малы, чтобы сокрушить сопротивление русских и затем совершить обход; дело здесь дошло до упорного боя, долго оставшегося нерешительным по причине лесистой местности». И далее Кукель продолжает: «...бой в Утицком лесу не дал решительных результатов и оказал лишь косвенное влияние на ход великой битвы»²⁹.

Людвик Ельский был типичным представителем Великой эмиграции, обосновавшейся в Париже, которая своими воспоминаниями пыталась, с одной стороны, возродить дух «славных наполеоновских побед», а с другой – понять причину «польского поражения».

Таким образом, перед нами не столько взвешенный анализ сражения, сколько попытка представить этот эпизод как «героическое деяние» польского корпуса на Старой Смоленской дороге. Тем не менее, Л. Ельского извиняет то, что мемуары создавались спустя много лет после описываемых событий, но свою основную задачу – поднать дух поляков в годы поражения и вынужденной эмиграции – он полностью выполнил.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Jelski L.* Marsze i Działanie // *Pamiętniki Polskie.* Paryż, 1845. Vol. 3. S. 1, 2.

² Польский банк открыт в 1826 г. при поддержке императора Николая I в целях улучшения финансового положения Царства Польского. См.: *Донских С.* Забытый министр финансов князь Ф.К. Друцкий-Любецкий // *Банковский вестник.* Минск, 2008. Листопад; *Правилова Е.А.* Финансы империи: деньги и власть в политике России на Западных окраинах, 1801–1917. М., 2006.

³ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковед. изучения. М., 1980.

⁴ Там же.

- ⁵ *Kolaczkowski K.* Wspomnienia. Krakow, 1898; Записки генерала Колачковского о войне 1812 года // Воен.-ист. сборник 1911 №4.
- ⁶ *Jelski L.* Op. cit. S. 49–54.
- ⁷ *Kolaczkowski K.* Op.cit.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Jelski L.* Op. cit. S. 49–54.
- ¹⁰ *Земцов В.Н., Попов А.И.* Бородино: Южный фланг. М., 2009. С. 79; см. также: *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение. М., 2009. С. 264.
- ¹¹ *Jelski L.* Op. cit. S. 49–54.
- ¹² *Kolaczkowski K.* Op. cit.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ *Jelski L.* Op. cit. S. 49–54.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ *Kolaczkowski K.* Op. cit.
- ¹⁷ *Jelski L.* Op. cit.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Ibid. S. 49–54.
- ²⁰ *Kolaczkowski K.* Op. cit.
- ²¹ *Jelski L.* Op. cit. S. 49–54.
- ²² Ibid.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ *Kolaczkowski K.* Op. cit.
- ²⁶ *Jelski L.* Op. cit. S. 49–54.
- ²⁷ Ibid. S. 22.
- ²⁸ *Kolaczkowski K.* Op. cit.
- ²⁹ *Kukiel M.* Jazda. S. 63, 69; *Kukiel M.* Zarys historji I Wojskowosci w Polsce. Krakow, 1929. S. 234.